

Российская Федерация: первый шаг в правильном направлении

«Международная Амнистия» приветствует решение российского правительства утвердить публикацию в июне 2003 г. одного из отчетов Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения и наказания (КПП), выпущенного по следам одной из поездок членов комитета в Российскую Федерацию.

«Это первый шаг в правильном направлении, который может помочь уменьшению количества случаев использования пыток и бесчеловечного

или унижающего достоинства обращения и наказания к тем, кто находится в российских местах лишения свободы» – заявила МА.

«Имеющаяся у Международной Амнистии информация говорит о широко распространенных случаях пыток и жестокого обращения с арестованными. В Чеченской республике такая практика нередко сопровождается «исчезновениями». Мы

надеемся, что публикация доклада послужит большей подотчетности должностных лиц. Этот факт демонстрирует желание российских вла-

стей принять меры по предотвращению пыток и привлечению виновных к ответственности» – говорится в заявлении известной правозащитной организации.

Собранная «Международной Амнистией» за последние годы объемная информация, полученная от жертв и из других источников, свидетельствует о широком распространении по всей Российской Федерации случаев пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников правозащитных органов: МА продолжает, в том числе, получать сообщения об «исчезновениях» людей в Чечне, которые часто сопровождаются пытками.

«Международная Амнистия» энергично призывает российское правительство:

- Обнародовать все отчеты КПП, касающиеся Российской Федерации;
- Предпринять все необходимые меры по немедленной реализации всех рекомендаций КПП;
- Проинформировать общественность о мерах, предпринимаемых для реализации рекомендаций КПП.

История вопроса

Российская Федерация в 1998 году подписала Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения и наказания. Созданный на основании этой конвенции Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения и наказания (КПП) состоит

из независимых беспристрастных экспертов, чьи поездки и рекомендации служат делу защиты арестованных и предупреждению пыток и жестокого бесчеловечного обращения с ними. Отчеты и рекомендации КПП конфиденциальны – их можно публиковать лишь с согласия соответствующего правительства.

Российская Федерация явилась последним из подписавших Европейскую конвенцию государств, утвердивших публикацию одного из отчетов КПП.

Лишь в исключительных обстоятельствах КПП выступает с публичными заявлениями, касающимися той или иной страны. Отсутствие какой-либо реакции российского правительства на выработанные в июле 2001 года рекомендации КПП, касающиеся Чеченской республики, побудили КПП пойти на исключительный шаг и выступить с публичным заявлением. В нем выражалась озабоченность КПП по случаю двух касавшихся Российской Федерации вопросов – полного и независимого расследования событий в период с декабря 1999 по начало февраля 2000 года в центре для задержанных в Чернокозово, так как КПП получил информацию о случаях жестокого обращения с задержанными; а также действий по раскрытию и наказанию виновных в связи со случаями жестокого обращения с задержанными во время текущего конфликта в Чеченской республике.

См. на сайте Европейского Комитета по предупреждению пыток (www.cpt.coe.int) отчет Комитета о посещении пенитенциарных учреждений в России и официальный комментарий РФ

КПП – независимый орган, состоящий из нейтральных экспертов. Он был создан на основе Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения и наказания. Делегации КПП совершили 11 поездок в разные регионы страны. Шесть из них, включая поездку с 23 мая 2003 г., были в Чеченскую республику.

Каждый год, 26 июня во всём мире по решению Генеральной ассамблеи ООН отмечается **Международный день в поддержку жертв пыток. Цель проводимых в этот день мероприятий – недопущение бесчеловечного обращения с людьми и обеспечение эффективного функционирования Конвенции ООН против пыток, которая вступила в силу 26 июня 1987 года.**

«Вопрос о пытках в России по-прежнему актуален...»

(Интервью с **Беттиной Гизеке**, экспертом немецкой секции «Международной амнистии», июнь 2003 г.)

– Как «Международная Амнистия» оценивает ситуацию с пытками в России? И вообще: насколько актуальна в наши дни такая постановка вопроса, ведь практически всё международное сообщество признало Россию демократической страной?

– Действительно, Россия является демократической страной, тем не менее вопрос о пытках, к сожалению, по-прежнему актуален. Пытки широко применяются во многих отделениях милиции по всей стране. Это и избивания задержанных, и подвешивание их за руки, и электрошок. Случается, что задержанных ставят на подоконник и заставляют в чём-то признаться, угрожая тем, что в противном случае их просто сбросят вниз, а случившееся выдадут за самоубийство. Увы, с пытками или жестоким обращением россияне сталкиваются по-прежнему и в местах заключения. Работники тюрем нередко используют других заключённых для того, чтобы добиться от подсудимых нужных показаний. Такие методы чаще всего применяются к женщинам, несовершеннолетним и этническим меньшинствам.

– А какими источниками информации пользуется «Международная Амнистия»?

– У нас всегда два типа источников информации. С одной стороны, это сами потерпевшие. Они обращаются либо непосредственно к нам, либо к таким российским неправительственным организациям, как «Мемориал», которые тесно сотрудничают с «Международной амнистией». С другой стороны, мы сами стараемся перепроверить полученную информацию. Поэтому нередко мы говорим не о применении пыток, а лишь о том, что те или иные должностные лица в этом подозреваются. Окончательный ответ на вопрос, были пытки или нет, могут дать только судебные органы данной страны. Поэтому одна из наших задач состоит в том, чтобы добиться от правозащитных органов проведения соответствующего расследования.

– Что касается чеченской темы...

– В Чечне мы сталкиваемся с особой проблемой, которая порождается регулярными облавами, обысками и проверками документов на контрольно-пропускных пунктах. Я имею в виду жестокое обращение с гражданским населением.

ем. Это и изнасилования, и издевательства со смертельным исходом, и исчезновение людей. Пока в России было возбуждено лишь около 50 дел, так или иначе связанных с подобными правонарушениями в Чечне. Этого явно недостаточно. Зачастую обвиняемые отделяются денежными штрафами или условными сроками заключения. «Международная амнистия» считает, что государство подаёт тем самым неправильный сигнал обществу. Если вина военнослужащего или сотрудника правоохранительных органов доказана, то его следует строго наказывать в соответствии с международными нормами, чтобы тем самым предотвратить повторение подобных случаев.

– Как, с Вашей точки зрения, в последние годы меняется ситуация с пытками в России – к лучшему или к худшему?

– Я бы разделила ответ на две части. В целом мы видим определённое улучшение условий в местах заключения, чему способствовали различные реформы в судебной области. С другой стороны, в Чечне ситуация с правами человека продолжает ухудшаться.

Дискуссия о применении пыток в России

Андрей Бабушкин (председатель «Комитета за гражданские права»):

Недавно для жителей Подмоскovie был создан Центр помощи жертвам пыток. Пока что к нам за время существования Центра обратилось несколько десятков человек. Это либо родственники тех, чьи братья, дети оказались избиты сотрудниками милиции чаще всего для того, чтобы получить от них признательные показания по конкретным уголовным делам, либо это люди, которые сами пережили такого рода насилие в милиции или учреждениях уголовно-исполнительной системы. Наиболее ярким из этих обращений было обращение отца двух братьев Гасановых, осужденных за изнасилование и убийство. Показания были получены у них под пытками электрошоком. При этом Агиль Сурхай-оглы Гасанов утверждает, что во время применения этих пыток в помещении, где пытали ребят, находился прокурор Сергиево-Посадского района господин Лисневский. Другим обращением было обращение матери осужденного Рассказова. Она утверждала, что ее сына зверски избивали сотрудники милиции в городе Ступино Московской области. Прокурор города Ступино

вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, ссылаясь, в частности, на отсутствие медицинских документов, подтверждающих следы пыток на теле у Рассказова. И как только я получил это удивительное постановление, женщина достала из папки эти медицинские документы и заявила мне о том, что лично этому самому прокурору, который вынес постановление, лично в руки эти медицинские документы были переданы. Ну и совершенно чудовищное, конечно, дело Григорьева, кандидата географических наук, которое показывает, что никто, даже известный общественный деятель, даже бывший депутат не защищены от того, чтобы стать жертвами пыток. Этого человека обвинили в мошенничестве, сказали, что, якобы, он незаконно москвичам передавал земли под садово-огородные участки. Очень долго длилось уголовное дело, следствие запугивало Григорьева. И вот в один прекрасный момент ночью на квартиру Григорьева врываются сотрудники милиции, старика 64-летнего бьют ногами по голове, причиняют ему кровоизлияние в мозг, позднее из мозга у Григорьева будет удалена гематома объемом 160 кубических сантиметров, ломают ему ребра. И вот полуживого человека приводят в милицию, куда приходит следователь следственного комитета при ГУВД Московской области некий Дмитрий Серсков, он видит, что Григорьев практически не может говорить, что Григорьев может скончаться с минуты на минуту, и вместо того, чтобы доложить прокурору Московской области о том, в каком состоянии находится человек, которого они собираются помещать под стражу, он дает команду вести его в следственный изолятор.

Борис Гаврилов (зам. начальника Следственного комитета МВД РФ, д.ю.н.):

Я бы, может быть, немножко не согласился с Вами в том плане, что эти профессионалы так называемые сами без пыток не признаются. Как раз работники милиции в случае возбуждения против них уголовного дела и должного уголовного преследования со стороны органов прокуратуры, как правило, достаточно быстро признаются во всех своих негативных проступках и даже злодеяниях. В случае выявления таких фактов проводим соответствующие служебные расследования, и при подтверждении таких фактов, а они, как правило, подтвержаются, материалы для принятия решения направляем в органы прокуратуры. Поскольку, в соответствии с уголовно-процессуальным законом, расследование преступлений, связанных с противоправной деятельностью работников милиции, в целом правоохранительных органов осуществляют следователи прокуратуры. Такие уголовные дела в том числе и доходят, как мы говорим, до суда, и виновные лица осуждаются. Есть такая опре-

деленная статистика, правда, повторяю, таких фактов немного, буквально десяток-другой находится в целом. Но, к сожалению, и тот десяток-второй фактов они серьезно позорят систему органов предварительного следствия и в целом правоохранительные органы. И, соответственно, создают то негативное мнение, которое высказывают наши коллеги-правозащитники, абсолютно обоснованно высказывают. И, соответственно, то, что говорят в этом случае наши российские граждане.

Андрей Бабушкин:

У меня перед глазами материалы социологических исследований, где гражданам предложено оценить восемь фундаментальных прав. 73% опрошенных заявило, что защита от пыток является делом первостепенной важности. Поэтому на сегодняшний день отношение людей к пыткам, наверное, менее терпимо, чем оно было 10 или 15 лет назад. Но вместе с тем, действительно, многие считают, что без пыток невозможно раскрыть уголовное дело. Проблема связана и с тем, что очень во многом сменились на сегодняшний день кадры МВД, прокуратуры, пришли молодые ребята, которые не очень высокого профессионального уровня на сегодняшний день достигли. Им чаще бывает проще выбивать показания, чем убедить человека признаться в том, что он совершил правонарушение. И, конечно, огромное воздействие на уровень пыток оказывает ситуация в Чечне. По нашим данным, две трети тех людей, относительно которых нам заявили, что они пытали допрашиваемых, это люди, прошедшие через Чечню. Чечня оказывает разрушающее, деморализующее воздействие на ситуацию и в органах внутренних дел, и в органах исполнения уголовного наказания, и в органах прокуратуры. С другой стороны, попытка законодателя бороться с пытками на законодательном уровне она во многом лукава.

Борис Гаврилов:

Я должен, наверное, согласиться с мнением Андрея Владимировича о том, что зачастую это сегодня обусловлено тем, что на работу в правоохранительные органы пришли молодые люди, не имеющие достаточного профессионализма. Но я должен еще маленькую ремарку сделать, суть которой в том, что примерно 30% жалоб, которые поступают на факты пыток, достаточно просто смешны. Когда уголовник, имеющий пять-десять судимостей, жалуется на следователя, 20-летнюю девушку, что она его била стулом по голове. И таких, кстати, заявлений поступает порядка 30%. Я абсолютно согласен, что проблема есть, и мы будем принимать все меры к тому, чтобы все-таки такие факты просто минимизировать. Хотя я не могу дать гарантию, что они полностью будут устранены.

Телеграмма Сталина (10.01.1939) местным руководителям:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)...»

Мейерхольд – Молотову (январь 1940 года)

«Лежа на полу лицом вниз, я обнаружил способность извиваться и корчиться как собака, которую плетью бьет хозяин...»

«Смерть (о, конечно!), смерть легче этого!», говорил себе подсудимый. Сказал себе это и я. И я пустил в ход самооговоры в надежде, что они-то и приведут меня на эшафот.

Так и случилось...»

«Меня здесь били – бывшего 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху с большой силой), по местам от колен до верхних частей ног. А в следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-синим-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что казалось на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Меня били по спине этой резиной. Руками меня били по лицу, размахами с высоты...»

Следователь все время твердил, угрожая:

«Не будешь писать (то есть – сочинять, значит!?), будем бить опять, оставим нетронутую голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного окровавленного искромсанного тела». И я все подписывал...»

Я отказываюсь от своих показаний... и умоляю Вас... спасите меня...»

Цитаты из книги Александра Яковлева «Сумерки», 2003

Пытки в России: пишем Президенту, отвечает прокуратура

В.В. Путину, Президенту Российской Федерации
Москва, Кремль

Уважаемый господин Президент,

Принятие эффективных законодательных, административных, судебных и иных мер для предупреждения актов пыток является обязательством, взятым на себя Российской Федерацией согласно ст. 2 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Мы видим настоятельную необходимость для принятия таких мер в России.

Мы призываем Вас как Президента РФ осудить применение пыток и жестокого обращения при любых обстоятельствах и принять необходимые меры для их искоренения:

■ в качестве первоочередной меры **провести безотлагательное, беспристрастное и эффективное расследование** всех жалоб и сообщений о пытках и других видах жестокого обращения. Такое расследование должно проводиться **независимым органом**, а результаты расследований должны быть открытыми;

■ установить процедуры, обеспечивающие действенный общественный контроль за ходом таких расследований, опираясь на опыт российских и международных общественных организаций в области борьбы с пытками;

■ все лица, **подозреваемые** в применении пыток либо причастности к этому преступлению **должны предстать перед судом, а виновные – понести полное наказание**. Должностные лица, подозреваемые в применении пыток или других видов жестокого обращения, должны быть отстранены от занимаемых должностей на время проведения расследований. Жалобщикам и свидетелям должна быть предоставлена эффективная защита от запугиваний и мести;

■ **криминализовать пытки как отдельный вид преступления** путём внесения необходимых изменений в УК РФ с тем, чтобы привести определение понятия «пытка» во внутреннем законодательстве в полное соответствие со статьёй 1 Конвенции ООН против пыток. В частности, под субъектом данного преступления должно пониматься любое лицо, выступающее в официальном качестве;

■ **безотлагательно инициировать проведение всеобщего, регулярного и чёткого инструктирования** всех сотрудников силовых структур и органов правосудия о категорической неопозволительности пыток и недопустимости принятия судом показаний, полученных под пыткой.

(Настоящее обращение было инициировано российским Ресурсным Центром МА в День против пыток 27.06.2005; сбор подписей продолжается и в настоящее время)

**Генеральная Прокуратура РФ –
Ресурсному Центру «Международной Амнистии»**

В Генеральную прокуратуру Российской Федерации продолжают поступать адресованные Президенту Российской Федерации обращения членов и сторонников «Международной Амнистии», касающиеся принятия необходимых мер к эффективному расследованию пыток и жестокого обращения с людьми. Данные обращения не содержат сведений о конкретных фактах совершения противоправных деяний, в связи с чем не могут служить поводом для организации и проведения проверки и принятия мер прокурорского реагирования.

Вместе с тем, Генеральной прокуратуре Российской Федерации разделяют Вашу озабоченность проблемой искоренения насилия и в первую очередь в служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Необходимость решения социальной задачи сдерживания и противодействия преступности требует принятия мер и совершения действий, ограничивающих права и свободы граждан. В то же время ограничения прав и свобод личности в уголовном процессе не могут достигать такой степени, когда означали бы по существу их отмену либо отказ от их признания. Иными словами, уголовно-процессуальная деятельность должна быть несовместима с нарушениями прав человека. Поэтому основной задачей прокурорской деятельности является защита прав и свобод человека и гражданина.

В 2004 г. в целом по России прокурорами внесено более 83 тыс. представлений по вопросам нарушения законов сотрудниками правоохранительных органов, почти половина из них – об устранении нарушений законов при производстве следствия и дознания. По представлениям прокуроров начальниками органов внутренних дел в дисциплинарном порядке наказано 51,2 тыс. подчиненных работников. Около 2,5 тыс. сотрудников правоохранительных органов привлечены к уголовной ответственности за преступления, совершенные на службе.

Вопросы совершенствования правового механизма противодействия пыткам, насилию и другим злоупотреблениям властью на досудебной стадии уголовного судопроизводства неоднократно обсуждались в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации с участием руководителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

*Старший помощник Генерального Прокурора
Российской Федерации А.П. Кизлык. 11.11.2005*

Сколько стоит попытать в милиции? И кто будет платить?

22 декабря 2005 г. Ново-Савиновский районный суд Казани обязал Министерство финансов России выплатить 90 тысяч рублей жителю города, которого пытали на допросе в отделении милиции.

Суд удовлетворил требования пострадавшего частично, так как первоначальная сумма по иску составляла 200 тысяч рублей. Представители Минфина категорически не согласились с таким возмещением ущерба и добились снижения суммы компенсации.

Как напоминает агентство, 13 мая 2004 года сотрудники отдела милиции «60-й квартал» Ново-Савиновского

РУВД задержали по подозрению в краже мобильного телефона троих жителей Казани.

Молодых людей доставили в отделение, где с помощью пыток, в том числе током, милиционеры пытались добиться признательных показаний. Не выдержав, задержанные подписали нужные документы, после чего их отпустили.

После этого жертвы пыток обратились в травмпункт. Врачи зафиксировали у пострадавших множественные кровоподтеки и ссадины, а также следы от широкой веревки на шее одного из них.

Позже все обвинения в краже были сняты. Оказалось, в частности, что мо-

лодые люди «сознались» в краже телефона марки Ericson, тогда как в заявлении о краже был указан телефон Nokia.

Один из милиционеров, причастных к инциденту, в августе 2005 года был признан виновным в превышении должностных полномочий с применением насилия и осужден на 3 года колонии общего режима с лишением права занимать должности в правоохранительных органах, напоминает агентство.

Личности остальных сотрудников правоохранительных органов, применявших пытки к задержанному, установить пока не удалось, утверждают представители следствия.

Рекомендации Круглого стола в Государственной Думе

«Правовые механизмы противодействия пыткам, насилию и другим злоупотреблениям властью на досудебной стадии уголовного производства»

Проблема реализации конституционных гарантий соблюдения прав задержанных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, которым избрана мера пресечения в виде содержания под стражей, остается крайне острой. Злоупотребления властью со стороны сотрудников правоохранительных структур представляет серьезную угрозу законности, безопасности личности и общества, препятствует восстановлению доверия населения органам правопорядка.

Пытки, насилие, жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание, иные формы принуждения к даче показаний, отсутствие доступа к необходимой медицинской помощи на досудебной стадии уголовного производства приняли массовый и систематический характер. Нарушениям прав человека в местах принудительного содержания был посвящен Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 3 октября 2000 года «О нарушениях прав граждан сотрудниками Министерства внутренних дел Российской Федерации и уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации», в котором, на основе анализа большого фактического материала, отмечалась необходимость принятия кардинальных мер для пресечения многочисленных нарушений прав человека в местах принудительного содержания.

За четыре с половиной года, прошедшие после опубликования доклада, вступил в силу новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, внесены существенные изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Так, дополнениями, внесенными Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ в статью 117 УК РФ, конкретизировано понятие пытки, а ответственность за принуждение к даче показаний (статья 302 УК РФ) распространена на следователей и дознавателей, с ведома или молчаливого согласия которых осуществляются преступные действия в отношении подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей.

Между тем положение с соблюдением достоинства личности в отношении задержанных и заключенных остается неудовлетворительным. Избиения, пытки, жестокое и бесчеловечное обращение в местах принудительного содержания остаются повседневным явлением. Значимость этой проблемы стала особенно очевидна после событий 10-14 декабря 2004 года в г. Благовещенске Республики Башкортостан.

Поскольку юридические новации не оказали существенного влияния на негативную практику, необходимо продолжить работу по анализу достаточности и системности правовых норм, призванных защитить от произвола граждан, вовлеченных в орбиту уголовного производства. Особого внимания требуют процессуальные нормы, касающиеся порядка задержания, порядка избрания меры пресечения, признания доказательств недопустимыми. Нуждаются в оценке возможные варианты институциональных изменений как в государственной правоохранительной системе, так и в сфере оказания юридической помощи.

В целях совершенствования законодательства и улучшения правоприменительной практики могут быть вынесены на обсуждение следующие предложения.

Криминализация пыток

Как показывает статистика, статьи 117 и 302 УК РФ в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 года не обеспечивают достаточной защиты от пыток и других злоупотреблений властью со стороны должностных лиц правоохранительных органов. В 2004 году по пункту «д» части второй статьи 117 УК РФ (истязание с применением пытки) в отношении должностных лиц правоохранительных органов возбуждено одно (!) уголовное дело, по статье 302 УК РФ («Принуждение к даче показаний») – три уголовных дела.

Это объясняется, в частности, тем, что определение пытки, содержащееся в примечании к статье 117 УК, не соответствует определению статьи 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года, согласно которой пытка должна рассматриваться как должностное преступление. Еще 16 мая 2002 года по результатам рассмотрения периодического доклада РФ Комитет ООН против пыток рекомендовал России «включить пытки и иное жестокое и унижающее достоинство обращение в национальное законодательство в качестве отдельного вида преступления с адекватным за него наказанием».

■ Предлагается ввести в УК РФ состав преступления «пытка» как «причинение должностным лицом либо с его ведома или молчаливого согласия иным лицом физических или нравственных страданий с целью принуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также с целью наказания либо в иных целях».

Профилактика пыток и жестокого и унижающего обращения, процессуальная защита от пыток и жестокого и унижающего обращения

Согласно исследованиям, проводившимся различными органами ООН (в частности, Специальным докладчиком ООН по пыткам), наибольшему риску стать жертвой пыток и жестокого и унижающего обращения подвергаются лица, содержащиеся в так называемых «закрытых» учреждениях, и лица, привлекаемые к раскрытию преступлений. Для снижения этого риска эксперты ООН и Европейского Комитета по предотвращению пыток рекомендуют организовывать систему независимого посещения мест принудительного содержания. Так же рекомендуется минимизировать использование ареста и заключения, ус-

тановить судебный контроль за помещением под стражу и предоставить другие процессуальные гарантии лицам, в отношении которых применяются меры, связанные с лишением свободы.

В связи с этим предлагаются следующие меры по предупреждению пыток и жестокого, унижающего обращения в отношении задержанных, подозреваемых и обвиняемых:

■ В первоочередном порядке доработать и принять Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии общественных объединений их деятельности», принятый в первом чтении 16 сентября 2003 года.

■ Рассмотреть вопрос о внесении в законодательство о судостроительстве и уголовном судопроизводстве дополнений, предусматривающих введение должности следственного судьи и возложение на него судебного контроля за дознанием и предварительным следствием (по месту расследования, в том числе в Вооруженных Силах) и соблюдением прав человека в местах содержания под стражей.

■ В связи с недоступностью адекватной потребностям подозреваемых и обвиняемых бесплатной юридической помощи, распространенностью сделок между следователем и адвокатом (прежде всего – адвокатом по назначению), внести изменения в статью 49 УПК РФ о возможности допуска в качестве защитников любых лиц по выбору обвиняемого на всех стадиях уголовного производства.

■ Отказаться от введенного в уголовный процесс Федеральным законом от 4 июля 2003 года № 92-ФЗ «защитника по принуждению» (часть вторая статьи 52 УПК РФ), сохранив необязательность отказа от защитника для дознавателя, следователя, прокурора и суда лишь в случаях, если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним, не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту в силу физических или психических недостатков, при рассмотрении уголовного дела в особом порядке (в случае «сделки о признании») и при наличии ходатайства подсудимого о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие.

■ Поскольку обеспечение участия защитника при допросе подозреваемого, обвиняемого носит в значительном числе случаев формальный характер, рекомендуется отнести к недопустимым доказательствам его показания, данные в ходе досудебного производства независимо от присутствия защитника, либо рассмотреть целесообразность сохранения пункта 1 части второй статьи 75 УПК РФ.

■ Уточнить редакцию части первой статьи 92 УПК РФ, указав, что права должны быть разъяснены подозреваемому незамедлительно после задержания.

■ Дополнить статью 96 УПК РФ частью пятой, указав в ней, что при прекращении оснований для сохранения в тайне факта задержания, уведомление о задержании лица производится незамедлительно.

■ В целях развития института домашнего ареста целесообразно в статье 107 УПК РФ указать, что данная мера пресечения осуществляется за счет средств обвиняемого с возмещением ему затраченных средств в случае возникновения права на реабилитацию.

■ Для сокращения случаев необоснованного избрания меры пресечения в виде заключения под стражу рассмотреть вопрос о внесении в статью 108 УПК следующих изменений:

- о предоставлении суду одновременно с ходатайством об избрании меры пресечения всех материалов уголовного дела, а не только материалов, подтверждающих обоснованность ходатайства (часть третья);
- о допустимости участия в судебном заседании при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения свидетелей, приглашенных сторонами (часть четвертая);
- о праве суда при рассмотрении ходатайства избрать любую более мягкую меру пресечения (часть седьмая);
- об исключении возможности продления судом срока задержания на 72 часа без избрания меры пресечения (пункт 3 части седьмой).

■ Внести уточнение в часть четвертую статьи 173, указав, что в случае просьбы обвиняемого о его повторном допросе он проводится в обязательном порядке.

■ Внести в часть вторую статьи 466 УПК РФ положение, предусматривающее право лица, в отношении которого прокурором принято решение о помещении под стражу, обжаловать указанное решение в суде.

■ Изучить возможность выдачи подозреваемому при его задержании письменных разъяснений (брошюры), в которых должна быть изложена вся необходимая информация о его правах и указаны телефоны надзирающих организаций или вышестоящих начальников. При этом задержанному по его требованию должно предоставляться средство связи для вызова надзирающего или вышестоящего руководителя. Надление задержанного письменными разъяснениями следует проводить под подпись, о чем делается отметка в протоколе задержания (для этого необходимо внесение соответствующих дополнений в статьи 92 и 476 УПК РФ).

■ Рассмотреть возможность оплаты услуг адвоката по назначению из специального фонда путем выдачи обвиняемому (подозреваемому) целевых купонов под конкретные процессуальные действия.

■ Рассмотреть вопрос о возможности передачи изоляторов временного содержания из ведения МВД России в ведение Минюста России.

■ Внести изменения в часть третью статьи 21 Федерального закона «О содержании

под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», указав, что письма, заявления и предложения, адресованные обвиняемым (подозреваемым) защитнику могут быть рассмотрены только в случае, если администрация следственного изолятора располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц. В этих случаях контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений должен осуществляться по мотивированному постановлению начальника следственного изолятора или его заместителя.

Обеспечение эффективного расследования жалоб на применение пыток и жестокого, унижающего обращения

Международные стандарты, касающиеся расследования жалоб на пытки и жестокое и унижающее обращение, подразумевают принятие мер по защите заявителей, а также свидетелей от неправомерного давления и угроз со стороны должностных лиц, в отношении которых была подана жалоба. Согласно ст. 2 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» государственной защите подлежат потерпевшие. Защита может быть распространена на заявителей и жертв преступления только до возбуждения уголовного дела. В соответствии с частью первой статьи 42 УПК РФ лицо считается потерпевшим с момента признания его таковым постановлением следователя, дознавателя, прокурора или суда. На практике органы следствия в ряде случаев не выносят соответствующие постановления в отношении лиц, заявивших о применении пыток и жестокого и унижающего обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов. В результате, закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» не распространяется на лицо, подавшее заявление о пытках, для расследования которого было возбуждено уголовное дело. Особое внимание следует уделить защите заключенных, жалующихся на пытки и жестокое и унижающее обращение со стороны сотрудников администрации мест лишения свободы. Эти лица на момент проведения проверок и расследования должны переводиться в другие учреждения УИС.

Основной причиной неэффективности расследования по жалобам на сотрудников правоохранительных органов, проводимого органами прокуратуры, является конфликт функций прокуратуры, которая одновременно осуществляет расследование по уголовным делам, представление государственного обвинения, а также надзор за законностью дознания и следствия.

В заключении и рекомендациях Комитета ООН против пыток от 16 мая 2002 года в связи с этим было указано на «недостаточный уровень независимости и эффективности прокуратуры что, как было признано государством, является следствием двойственной функции прокуратуры по осуще-

ствлению уголовного преследования и надзору за надлежащим ведением следствия».

Для разрешения этого конфликта и повышения эффективности систем защиты от нарушений в ходе оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия предлагаются разные варианты. В частности предлагается рассмотреть возможность принятия следующих решений:

■ Учредить Контрольно-следственное управление Министерства юстиции Российской Федерации по вопросам соблюдения законности и прав человека в правоохранительных органах, специальных службах, Вооруженных Силах и в иных силовых структурах. Внести в уголовно-процессуальное законодательство дополнения и поправки, наделяющие эту структуру правом осуществления предварительного расследования и поддержания государственного обвинения в суде по данной категории дел.

■ Создать Федеральный следственный комитет, которому, в том числе, были бы переданы функции прокуратуры по расследованию общеуголовных преступлений.

Проблема допустимости доказательств имеет чрезвычайную актуальность в связи с повсеместной практикой вынесения судьей решений о допустимости доказательств и отсутствии факта пыток только лишь на основании заключения прокуратуры. Рассматривая вопрос о необходимости эффективного решения этой задачи Комитет ООН против пыток в рекомендациях для России от 16 мая 2002 года рекомендовал «обеспечить абсолютное уважение принципа неприемлемости доказательств, полученных при помощи пыток, и пересмотреть все обвинительные приговоры, основанные исключительно на признаниях обвиняемого, сознавая, что многие такого рода признания могли быть получены под воздействием пытки или жестокого обращения».

На специальной конференции ОБСЕ 6–7 ноября 2003 года, посвященной проблеме пыток, в качестве практической меры было предложено, чтобы «государства-участники ОБСЕ гарантировали как в законах, так и на практике что для возбуждения дела в отношении предполагаемого применения пыток не требовалось заявления обвиняемого (который может быть запуган). Если есть основания полагать, что обвиняемый или свидетель был подвергнут пыткам или другим видам бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, такой случай должен расследоваться по собственной инициативе судьи». В связи с этим:

■ Представляется необходимым включить оценку обстоятельств, связанных с применением пыток в число задач, рассматриваемых судом на предварительном слушании.

■ Внести дополнения в часть вторую статьи 229 УПК РФ («Основания проведения предварительного слушания»), предусмотрев, что предварительное слушание проводится, если есть основания полагать, что обвиняемый или свидетель подвергался пыткам или другим видам бесчеловечного или унижающего человеческого достоинство обращения. Соответственно, порядок судебного исследования вопроса применения пыток необхо-

димо включить в статью 234 УПК РФ («Порядок проведения предварительного слушания»). В этом случае возможно предусмотреть процедуру судебных запросов, истребования дополнительных материалов судьей по обстоятельствам применения пыток и их исследование. Однако этот порядок не должен выходить за рамки функций судопроизводства, согласно которым суд не имеет задач вести собственное расследование.

■ Целесообразно предложить Верховному Суду РФ обобщить практику судебных решений по недопустимости доказательств в уголовных процессах в связи с принуждением к даче показаний.

В практике преступлений на применение пыток при принуждении к даче показаний, имеет место то обстоятельство, что большинство жалоб касается сотрудников оперативных служб. С другой стороны, невозможно проводить проверочные и оперативно-розыскные действия по случаям пыток без соответствующего штата оперативных сотрудников. И на практике случается так, что оперативное сопровождение обеспечивают те же сотрудники, которые причастны к применению пыток.

■ Представляется необходимым, наряду с решением задачи выделения функций следствия по делам на применение пыток, сформировать орган оперативного сопровождения в расследовании таких дел, который имел бы свою функциональную независимость и специализацию.

В ином случае целесообразно возложить ответственность оперативного сопровождения на отделы Управления собственной безопасности МВД.

В случае создания специального органа, в ведение которого будет находиться расследование преступлений пыток, следует ввести такой орган в перечень государственных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (статья 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Комитет ООН против пыток принял в отношении России также следующую рекомендацию: «Немедленно рассмотреть вопрос о введении обязательного медицинского освидетельствования для лиц, поступающих в ИВС и СИЗО, а также создании медицинской службы, независимой от Министерства внутренних дел и Министерства юстиции для проведения таких освидетельствований». Об этом же приняты рекомендации ОБСЕ: «Задержанные должны иметь возможность медицинского осмотра без присутствия сотрудников правоохранительных органов. Национальное законодательство должно гарантировать право любым лицам, находящимся в любой форме заключения право на независимое медицинское обследование, включая возможность проведения такого медицинским специалистом по выбору задержанного».

■ Для повышения ответственности сотрудников, производящих освидетельствование потерпевших, представляется необходимым включить в УПК РФ требования о выполнении подробного освидетельствования телесных повреждений. Соответствующее

дополнение предлагается внести в статью 179, указав, что при освидетельствовании фиксируются все телесные повреждения, с подробным описанием и локализацией повреждений.

Другим вариантом решения данной проблемы может быть внесение дополнения в Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» об обязанности медработников и начальников ИВС и СИЗО в случае поступления лиц со следами повреждений немедленно сообщать об этом прокурору, а прокурору – проверять такие сообщения.

■ Одной из причин пристрастности и халатности медицинского персонала в местах содержания под стражей является их служебная подчиненность и ведомственная зависимость. Это проблема может быть частично разрешена при передаче медицинских служб ФСИН и МВД в подчинение Министерства здравоохранения РФ.

В этом случае требуется внесение изменений в статью 29 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан».

Одним из проявлений бездействия правоохранительных органов при разбирательстве жалоб на применение пыток являются отказы в возбуждении уголовных дел. Эти отказы, как правило, обосновываются «неподтверждением факта применения пыток». Однако в большинстве случаев после проведения правозащитными организациями собственной проверки, выясняется, что орган дознания или следствия не предпринял необходимых проверочных и следственных действий. В качестве типичных наблюдаются следующие нарушения:

- нарушения, связанные со сбором доказательств (особо распространено – уклонение от сбора доказательств, с течением времени утрачиваемых);
- необъективность в оценке собранных доказательств, что, соответственно отражается в мотивировочной части постановлений о прекращении уголовного дела;
- волокита (нарушение процессуальных сроков и обязательств по оповещению).

■ В качестве меры, ограничивающей вынесение немотивированных и необоснованных постановлений, желательно ограничить круг должностных лиц, в компетенции которых находится принятие решения о вынесении на утверждение постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по данной категории дел. Исходя, в частности, из ситуации пристрастности и зависимости сотрудников органов дознания и следствия в расследовании должностных преступлений, целесообразно ограничить их в таких полномочиях, сохранив порядок проведения проверки. В этом случае прерогатива решений по «отказным постановлениям» будет находиться в исключительной компетенции прокуратуры. Это, в свою очередь, обеспечит исследование проверочного материала по заявлению в полном объеме.

Соответственно, необходимо внести в статью 148 УПК РФ («Отказ в возбуждении уголовного дела») дополнение, указав, что по преступлениям против государственной вла-

сти, интересов государственной службы и правосудия, совершенным должностными лицами, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела выносит прокурор.

В УПК РФ не регламентирован вопрос о правовом статусе заявителя. Это обстоятельство особенно актуально на том процессуальном этапе, когда заявитель направил жалобу в органы правопорядка и в процессе проверки и после ее завершения не признан потерпевшим. В этот период заявитель имеет право обжаловать постановление, но ограничен в других законных правах, таких как в праве ознакомления с материалами проверки. На практике заявителя в некоторых случаях допускают на ознакомление с такими материалами, используя аналогию со статусом потерпевшего. Однако зачастую орган следствия или прокуратура отказывают заявителю на законных основаниях. Между тем, заявитель, как процессуальное лицо, упоминается в статьях 124, 125, 141, 463 УПК РФ.

■ Для устранения этого пробела следует ввести в перечень участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения заявителя, дополнив главу 6 УПК РФ соответствующей статьей (41').

Одновременно следует внести дополнения в статью 119 УПК РФ, включив заявителя в число лиц, имеющих право заявить ходатайство, и в статью 148 УПК РФ, указав в ее части четвертой на право заявителя при отказе в возбуждении уголовного дела ознакомиться с материалами проверки, используя технические средства копирования.

Предотвращение угрозы пыток при выдаче и высылке иностранных граждан и лиц без гражданства

Статья 3 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания устанавливает, что «ни одно Государство-участник не должно высылать, возвращать или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека». Выполнение указанного обязательства требует принятия соответствующих законодательных мер. В связи с этим предлагается:

■ Дополнить перечень оснований для отказа в выдаче лица (часть вторая статьи 464 УПК РФ) наличием серьезных оснований полагать, что в иностранном государстве, направившем запрос о выдаче, лицу может угрожать применение пыток.

■ Внести примечание в статью 18.8 КоАП РФ, установив, что санкция в виде административного выдворения не может быть применена в том случае, если имеются серьезные основания полагать, что в стране, куда высылается лицо, ему может угрожать применение пыток.

16 марта 2005 года

Камера пыток на 143 миллиона человек

Вот есть слово – пытка. На ум приходят уроки истории о Древнем Риме, инквизиции, судебники Ивана III. Испанские сапожки, плавленный металл, розги. Подумать немного – тоталитарные режимы XX века. Фашизм, коммунизм. Голод, электрошок, яркий свет – выбивание показаний, низведение человека до уровня животного. Отказ от убеждений.

Страшное слово, но была в нем архаичность. До недавнего времени. И вдруг в последние десять лет «пытка» вновь стала обрывать ассоциациями.

Улыбающиеся милиционеры, указывающие дорогу заплутавшему в Москве гостю. Отказы у входа в метро. Вежливо стучащийся в дверь участковый. Взмах полосатого жезла сотрудника ГИБДД на перекрестке... Электрошок, дача показаний, яркий свет, побои, наручники. Современная Россия?

Пытка как инструмент власти существовала всегда и будет существовать. Как бы это ни было печально. Но в других странах мира и в нашей стране еще 20 лет назад пытки не принимают и не принимали глобальных масштабов. Дело не только в правовом релятивизме государственной власти. Собрать решить проблему быстрым и надежным, пусть и неправовым способом есть везде. Но вот возможность осуществления этого желания есть не у всех. В нашей стране есть. Поэтому и встает извечный российский вопрос: **что делать?**

Кто-то скажет – ну попытали, да, плохо это. Надо наказывать. Но что такое 112 дел в масштабе 140 миллионной страны? По одной пытке на 375 тысяч человек. Но простая арифметика в социологии не используется. Ее только оперативники применяют, когда складывают галочки-палочки «раскрытых» преступлений – для отчетности.

Но все-таки придется использовать математику для наглядности. Подозреваю, что этот бюллетень будут читать не только правозащитники, но и другие заинтересованные лица...

Казалось бы, что такое – 112 случаев для страны с населением в 143 миллиона человек. Но 112 дел – это только подтвержденные случаи, приданные огласке. Это дела людей, которые не побоялись обратиться к правозащитникам и поверили в свои силы (таких мало – веру в справедливость выбивали в России на протяжении столетий). А сколько заявлений и не доведенных до конца уголовных дел находится в прокуратурах страны? Никто не знает, но их неизмеримо больше. Может быть и процент применения насилия в десятки раз выше?

Масштабы явления характеризуются не столько количеством случаев и зафиксированных фактов, сколько отношением к этому явлению в обществе. Согласно результатам исследования, проведенного Аналитическим Центром Юрия Левады в июле 2005 года, 73% населения России боится правоохранительных органов. Эти люди считают, что они могут стать жертвами произвола правоохранителей. Еще больше – 84% считают проблему произвола серьезной. То есть, данные социологов свидетельствуют, что даже если за последние два-три года в России пытали всего 112 человек – остальные 143 миллиона ждут пыток... И похоже, их худшие ожидания при встрече с правоохранителями нередко сбываются. 80% врачей скорой помощи и работников травмпунктов, опрошенных летом 2004 года социологами Левада-центра сообщили, что им пришлось оказывать помощь лицам, пострадавшим от насилия правоохранителей.

Вывод напрашивается один: пытки в России – явление массовое.

Говорят эксперты фонда «Общественный вердикт»:

Павел Чиков, руководитель правового отдела фонда

На нашем контроле вк началу 2005 г. было 160 дел, в 70% которых речь идет о незаконном насилии в отношении граждан со стороны должностных лиц. Насилие – это основной фактор нарушений прав в системе правоохранительных органов. Фонд ведет дела из восьми регионов страны: Читинская область, Нижегородская область, Свердловская область, Чувашская, Чеченская республики и Республика Татарстан. Практически во всех этих 70% пытки применяются с целью дачи признательных показаний. Или другими словами – к выбиванию этих показаний. Обычно пытки совершаются в помещении ОВД. Это говорит о том, что руководство либо понятия не имеет, что творится у него под носом, либо потворствует. Иногда избивают на улице, в общественных местах, в безлюдных местах или в автомобиле. В общем, где придется. Место значения не имеет. Методы, которыми пользуются сотрудники милиции одинаковы по всей стране. Непонятно, конечно, по каким информационным каналам передают сотрудники милиции сведения об инструментах принуждения к даче показаний, вряд ли они проводят семинары по эффективному применению пыток... Орудия пыток однотипны: раскаленный утюг, противогаз с целью удушья, наручники, алкоголь и наркотики, молоток, пистолет, резиновая палка и т.д. То есть используются те предметы, которые легко достать в помещении милиции. Система пыток отлажена. В Казани потерпевшему Черных оперативники объявили о трех ступенях, которых никто не выдерживает и все подписывает. В первой ступени на него надели наручники и подвесили на жерди между двумя стульями. Вниз головой он находился 20 минут, раскачиваясь от ударов по ягодицам. Первую ступень Черных выдержал. Затем его связали ремнем в позу лотоса и начали избивать. А через третью ступень электрошок в анальное отверстие – подследственный не прошел. И подписал все, что от него требовалось.

Борис Золотухин, правовец, член Московской Хельсинкской группы

Там, где есть пытка и есть взятка – нет правосудия. Пытка – это лакмусовая бумажка, которая определяет тип государства, только в полицейском государстве она может процветать. Пытка процветала при фараонах, но ее не было при афинской демократии. В России – богатая пытательная история. Когда в Пруссии любой крестьянин мог дерзко напомнить своему королю, что есть еще судьи в Берлине, в России существовала тайная канцелярия с пытками. И пытка, и мздоимство сделали Россию бессудной вплоть до судебной реформы 1864 года. Но после 1917 года наша страна вернулась к методу пыток, все издевательства и избиения были и санкционированы и инициированы властью. Апофеозом стал 1937 год, затем, после смерти Сталина наступило некое затишье и пытка перестала быть распространенным явлением. В конце 90-х наступил кризис юстиции, сама власть признала коррумпированность судебной системы. Правоохранительная система стала превращается в профессиональное сообщество, ориентированное не на защиту прав граждан, а на самообслуживание. В таких условиях пытка становится самым эффективным способом имитации деятельности, борьбы с преступностью и отчитыванием в раскрываемости. О пытках говорят на каждом углу, но власть молчит. Президент не может не знать о том, что в стране пытаются. Об этом не может не знать Генеральный прокурор, не может не знать Законодательное собрание. Но все три ветви власти не противодействуют распространению пыток. А ведь главная причина в массовости этого явления в том, что у власти нет политической воли для борьбы против пыток. Пытки будут продолжаться, а размах их будет нарастать. Поэтому в условиях нашего авторитарного государства, гласность – единственное оружие, которым мы можем бороться.

(Лена Шанович, Информационный бюллетень Фонда «Общественный вердикт», № 1, 2005 г.)

Пытка – истязания, употребляемые при допросе обвиняемых и свидетелей, чтобы побудить их к раскрытию истины. В XV в. стала центральным пунктом следственного процесса. С начала XVIII в. начала выясняться непригодность пытки для поставленной цели. После постепенных ограничений пытка была окончательно отменена в Пруссии в 1754, в Дании – 1770, в Австрии – 1787, во Франции – 1789, в Ганновере – 1822 и т. д. В России 8 ноября 1774 последовало секретное Высочайшее повеление об отмене пытки, но отступления от этого закона продолжались и позже особенно в отношении обвиняемых в политических преступлениях. На судебном следствии часто обнаруживалось, что в стадии полицейского дознания подозреваемые лица нещадно избивались, а иногда истязались с целью вынудить признания.

Словарь Брокгауза и Евфрона

Правозащитный СОБР против зачисток ОМОНа

В противовес милицейским зачисткам, проводимым в российских городах и селах, Партнерство правозащитных организаций, в состав которого входит Фонд «Общественный вердикт», разработало инструмент борьбы с произволом – «мобильные группы». Фактически, мобильная группа – это сводный отряд быстрого реагирования. Только состоит он не из правоохранителей, а из профессионалов – правозащитников.

Основной метод – общественные расследования. Главные качества – оперативность и объективность, в составе мобильных групп работают квалифицированные юристы и эксперты по правам человека из Комитета против пыток (Нижний Новгород), Правозащитного центра города Казани, организации «Человек и закон» (Йошкар-Ола), Центра «Демос» и других авторитетных правозащитных организаций. Насколько эффективна работа мобильных групп и зачем правозащитники из региональных организаций отправляются в города и села, жители которых подверглись карательным акциям правоохранителей – рассказал идейный вдохновитель создания мобильных групп, председатель нижегородского «Комитета против пыток» Игорь Каляпин.

– Почему возникла идея создания совершенно нового инструмента в работе правозащитных организаций? Кто придумал мобильные группы?

– Инициаторами создания мобильных групп были мы – то есть правозащитники из организаций, которые входят в Партнерство. Идея возникла еще до благовещенской зачистки, в ноябре 2004 года, планировалась работа в Чеченской республике. Там ведь нет местных правозащитных центров, делающих упор на профессиональную юридическую работу. Вот мы и решили туда направлять группу юристов, чтобы фиксировать случаи нарушения прав человека и оказывать правовую помощь.

Мы выезжаем как раз в те регионы, в которых нет правозащитных организаций, в которых пострадавший от беспредела человек, не имеющий денег на адвокатов и, зачастую, даже не знающий, что имеет право на защиту, обречен остаться один на один со своей бедой. Он будет мыкаться, стучаться во все двери, жаловаться на кухнях, в лучшем случае – в прессу, но, в итоге, как показывает опыт, скорее всего так и не сможет восстановить своих прав. Мы можем показать этому «маленькому» человеку, что его борьба не лишена смысла, что есть и профессионалы, которые ему помогут не словами, а делом.

Термин «мобильные группы», конечно, не совсем отвечает содержанию нашей деятельности. Мобильность подразумевает быстроту реакции, а входящие в группу правозащитники, адвокаты, юристы часто не могут быстро сорваться и приехать на место происшествия. Многие из них работают в организациях, руководство которых не всегда готово сразу же отпустить сотрудника. Поэтому мобильность у нас условная. К тому же, технические средства ограничены.

– Вы, наверное, излишне самокритичны. По сравнению с мобильностью реакции прокуратуры, которая обязана надзирать за соблюдением законности в деятельности милиции, ваша реакция превосходит их многократно...

– Мы принадлежим к разным системам и у нас разные мотивации, хотя и работаем на одном поле... Благодаря работе мобильных групп действия наших правозащитников и правоохранительных структур стали более или менее слажены. Работники прокуратуры стали к нам прислушиваться...

– Внимательно?

– Стараются. Чтобы понять, почему две разные системы вдруг стали работать бок о бок, надо пояснить суть работы мобильных групп. Прежде всего, мы привязаны к событию. Вот случилось где-то массовое нарушение прав человека, мы собираем людей и выезжаем на место происшествия – разбираться. Мы, в отличие от журналистов, не рубим с плеча, не

кричим, а профессионально анализируем правовую ситуацию. И только профессионализм в работе дает нам возможность добиваться результатов – то есть помочь людям восстановить их поправные права. Так вот, когда к начальнику ОВД, ОМОНа или прокурору приходит журналист, его вряд ли примут с распростертыми объятиями. Зачем им лишняя шумиха? Предсказуемая реакция. А технология общественного расследования, которую мы используем, позволяет добиться взаимопонимания с руководством подразделений МВД и прокуратуры. Когда завязывается профессиональный разговор на юридическом языке, который понятен обеим сторонам, становится более доверительным и конструктивным. Работники правоохранительных органов видят, что люди приехали в их регион не для того, чтобы заработать себе дешевую популярность, а чтобы профессионально разобраться в сложившейся правовой ситуации, выявить, имело ли место нарушение прав человека и российских законов. К тому же, мы вступаем в диалог с правоохранителями, имея в руках буквально ворох документов. Поэтому с нашим мнением приходится считаться. Мы ведь и в суд можем подать, и предоставить в распоряжение СМ И факты, свидетельствующие о нарушениях прав человека... Правоохранители понимают, что с нами лучше не ссориться, а налаживать диалог.

– К вопросу о мобильности – провести компетентное расследование на месте происшествия – дело длительное?

– Не спорю, чтобы получить качественный – нужно время. Но нам удается установить виновников нарушения прав человека. Ведь прокуратор ура часто по договоренности с органами МВД выбирает какого-нибудь «козла отпущения». Это, как правило, не правонарушители в погонах, а просто неугодные руководству работники органов. Так, в Ставропольском крае, где произошло избиение ОМОНОм жителей села Ивановское, виновным пытались представить старшего сержанта райотдела милиции. Даже на первый взгляд понятно, что это абсурд...

– Откуда вы узнаете об этих судьбах, если «маленький человек» из маленького города или села, пострадавшего от силовой акции милиции может пожаловаться только таким же как он собратьям по несчастью?

– Наш информатор – пресса. Так как СМИ чаще всего пишет о делах, имеющих огромный общественный резонанс, то наши мобильные группы занимаются массовыми нарушениями прав человека. Отсюда и появились те дела, которые мы сейчас ведем: Благовещенск, Бежецк, Ставрополь, станица Бороздиновская... Как только мы узнаем о факте произвола в регионе – сразу начинаем формировать группу.

– Это очень важно – правильно сформировать группу?

– Да. Группа имеет сводный состав, что позитивно отражается на работе и делает несостоятельными обвинения в ангажированности. В ряде случаев исключается возможность спекулировать на национальных, политических и других фактах. Например, в Бороздиновской были попытки представить конфликт как родовую смуту между аварцами и чеченцами. Но когда в станицу приехала группа, в составе которой – люди разных национальностей из разных регионов – то мы увидели, что местные жители склонны нам доверять.

– Расскажите о вашей работе в Благовещенске.

– Сначала мы получили из СМИ информацию, что более тысячи человек подверглись избиению со стороны ОМОНа и местных участковых. Выехали на место и обнаружили только 200 заявлений, поданных в одну из общественных организаций. Мы проанализировали все заявления и выявили типичные ситуации нарушений. Под каждую типичную фабулу мы нашли типичного пострадавшего. В итоге получилось пять потерпевших по трем фабулам. Мы стали работать уже с этими потерпевшими.

– А что же с остальными людьми?

– Не важно – сколько заявлений. Главное – завести одно большое дело. Представляете, если бы мы приняли все 200 однотипных жалоб? Это значит, потребовалось бы 200 адвокатов, 1000 свидетелей и тому подобное. Это усложнило бы работу и снизило эффективность. А мы выбрали пять человек, и «вытаскиваем» уголовное дело по факту нарушения их прав. Если мы докажем факт нарушения прав одного потерпевшего – значит, потянутся и все остальные. Типичными фабулами мы раскрываем ситуацию. А работающий в составе мобильной группы адвокат работает с конкретным потерпевшим.

– Интересно... Вы разработали эту методику?

– Да. Это наше ноу-хау. Многие вопросы приходится решать на месте и многие вещи придумывать на месте. Тактика прокуроров в Благовещенске – это тактика затягивания дела. Они ждут, пока Устинов или Путин дадут отмашку и рекомендации – кого нужно посадить, кого отпустить, кого назначить «козлами отпущения». На этой стадии расследования прокуратура засекречивает всю информацию. В Благовещенске было также выявлено огромное количество нарушений с проведением судмедэкспертизы. Сначала следователь не давал направления, потом эксперт был занят и люди попали к нему уже через месяц. Естественно, никаких следов побоев на теле уже не было зафиксировано. Мы написали жалобу и по этому поводу.

Наша группа начала работать с пятью потерпевшими, мы нашли незаинтересованных свидетелей, а это большая редкость – обычно при массовых избиениях лиц, которые не пострадали найти сложно, а к свидетелям-пострадавшим отношение у прокуратуры недоверчивое. Одновременно мы искали лиц, причастных к проведению силовой акции, не давали прокуратуре сузить этот круг лиц, прекратить следствие, свести объем преступления к минимуму – к одной статье. Мы поставили вопрос о привлечении прокурора района к ответственности за злоупотребление служебными полномочиями, о привлечении к ответственности командира ОМОНа. Сейчас в Благовещенске постоянно работают два адвоката. Очень важно не дать похоронить благовещенское дело.

– В Бежецке вы работали также?

– Да, и ситуация там очень похожа на Благовещенск. В городе проводилось оперативно-розыскное мероприятие по подозрению неких лиц в ограничении конкуренции. Милиционеры решили выставить на рынке своего человека тор-

говать. Неподалеку дежурил автомобиль с бойцами СОБРа. Через какое-то время к «торговцу» подошли двое молодых людей и, сославшись на решение администрации рынка, сказали что ему торговать здесь нельзя. В этот момент двери машины распахнулись, оттуда выскочили люди в униформе. Они начали без разбора избивать всех, кто находился на рынке. Избили даже директора местной нефтебазы, кандидата в депутаты. Когда тот стал показывать документы и говорить, что он работает на нефтебазе, собровцы стали бить его еще сильнее, приговаривая, что он – подельник Ходорковского...

Ситуация с общественным расследованием бежецкого дела сложная. Свидетелей жестоко избили и теперь собрать доказательства будет тяжело, но, надежда получить положительные результаты есть. С руководством местных правоохранительных органов мы расстались хорошо, уголовное дело возбуждено, идет расследование, с пострадавшими работает адвокат, предоставленный потерпевшим бесплатно.

– Где еще работала мобильная группа?

– В селе Ивановском и в станице Бороздиновской. В Ивановском ситуация аналогична Бежецку. Там дали волю бойцам спецподразделения. Но нам удалось добиться взаимопонимания с руководством МВД. Расследование движется. А в Бороздиновской в наши руки попал официальный документ, который свидетельствовал о том, что зачистка проводилась сотрудниками МВД Чеченской республики. То есть, мы уличили во лжи некоторых высокопоставленных чиновников, которые поспешили заявить, что станицу зачищали неизвестные лица. Это тоже важный результат. Сила общественного расследования состоит в том, что оно проводится публично и его результаты становятся достоянием гласности.

– Каков главный результат работы мобильных групп?

– Это наш продукт – результаты общественных расследований в виде документов, имеющих юридическую силу. Мы, правозащитники, предоставляем эти документы в распоряжение органов МВД и прокуратуры и теперь следствие не может пренебречь изложенными нами фактами. То есть, мы заставляем государственные органы руководствоваться нормами законности и защищать людей, пострадавших от произвола правонарушителей в погонах.

*Мария Цветкова (Информационный бюллетень
Фонда «Общественный вердикт», № 1, 2005 г.)*

Обыкновенная история

В июле 2005 года заместитель начальника Калининского территориального отделения милиции Алексей Городнов и оперуполномоченный Алексей Егоров были осуждены Калининским районным судом за избиение задержанных. Милиционеры были признаны виновными в превышении должностных полномочий (ст. 286, ч.3, УК РФ) и получили условные сроки наказания. Заместитель начальника Калининского территориального отделения милиции Городнов получил 3,5 года, а его коллега, оперуполномоченный Егоров, 4 года условного лишения свободы с запретом занимать должности в правоохранительных органах.

25 января Владимир Сорокин и Владимир Землемеров были задержаны в Новоюжном районе Чебоксар отрядом милиции и доставлены в отделение под предлогом установления личности, так как документов с собой не имели. После установления личности Сорокина попро-

сили покинуть кабинет. Выйдя в коридор, он услышал громкие крики из-за двери. Вернувшись, Сорокин увидел, что оперуполномоченный избивает ногами лежащего на полу Землемерова. Владимир попросил заместителя начальника отделения милиции Городнова успокоить оперуполномоченного, после чего получил от Городнова удар кулаком по голове. Милиционеры стали вдвоем избивать Сорокина.

По показаниям пострадавших, оба сотрудника милиции были сильно пьяны. После избиения задержанных отвели в камеру, где продержали несколько часов. Выбраться им оттуда удалось, только дав стражам порядка обещание, что те не будут писать заявление. Дома Сорокин почувствовал сильную боль в спине и утром поехал в травмпункт, где врачи констатировали множественные гематомы и перелом поясничного позвонка. Днем к Сорокину приехали три сотрудника милиции, среди которых был

и оперуполномоченный Егоров. Не раз приезжал и лично зам. начальника этого отдела милиции. По словам пострадавшего, они предлагали «замять» дело, Сорокин отказался.

– Это завершающая стадия дела, – сообщил председатель Чувашской правозащитной организации «Щит и Меч» Алексей Глухов. – Мы оказывали поддержку Владимиру Сорокину с самого начала этой истории. Юристы и адвокаты сделали все возможное, чтобы наказать виновных милиционеров. Теперь мы будем добиваться достойной компенсации морального вреда (пострадавший требует 100 тысяч рублей), хотя никакая сумма полностью не покроет причиненных ему нравственных и физических страданий.

*(по информации
Правозащитного общественного
объединения «Щит и Меч»)*